

Овчарова Светлана Владимировна

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В РОМАНЕ Ф. ФЮМАНА "ПРОМЕТЕЙ. БИТВА ТИТАНОВ" (1974): СИНТЕЗ МИФИЧЕСКОГО И РЕАЛИСТИЧЕСКОГО

В статье исследуется проблема зарождения, функционирования и эволюции политической власти на примере романа малоизвестного в отечественном литературоведении немецкоязычного автора Ф. Фюмана "Прометей. Битва титанов". Автор задаётся целью выявить своеобразие слияния мифологической и реалистической составляющих в романе и приходит к выводу о способности мифа к реалистическому изображению сложнейших общественных процессов современности. В ходе работы затрагиваются характерные для политической власти явления, такие как: разделение власти, произвол, интрига, бюрократия и др.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-1/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 134-138. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSIVITY IN THE COUNTER-CULTURAL ROCK-POETRY

Nefedov Igor' Vladislavovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Ogryzko Elena Vyacheslavovna

Southern Federal University

igornef@yandex.ru; lesyapilot89185@rambler.ru

The article is devoted to the syntactic means of expressivity in the counter-cultural rock-poetry. The special attention is paid to the use of infinitive and nominative sentences which have the great figurative and expressive potentials. The author examines the expressive functions of the stylistic figures of speech - anaphora, syntactic parallelism and rhetorical questions - and concludes that syntactic means of expressivity in the rock-poetry influence the formation of the linguistic picture of the world of a recipient.

Key words and phrases: syntactic linguistic means; expressivity; emotionality; evaluative nature; nominative, infinitive imperative sentences; anaphora; syntactic parallelism; rhetorical questions.

УДК 8; 821.112.2

Филологические науки

В статье исследуется проблема зарождения, функционирования и эволюции политической власти на примере романа малоизвестного в отечественном литературоведении немецкоязычного автора Ф. Фюмана «Прометей. Битва титанов». Автор задаётся целью выявить своеобразие слияния мифологической и реалистической составляющих в романе и приходит к выводу о способности мифа к реалистическому изображению сложнейших общественных процессов современности. В ходе работы затрагиваются характерные для политической власти явления, такие как: разделение власти, произвол, интрига, бюрократия и др.

Ключевые слова и фразы: многомерность действительности; реализм; мотив потрясения; власть; титаны; боги; античные мифы; тиран; злоупотребления властью.

Овчарова Светлана Владимировна, к. филол. н.

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

alexis-1@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В РОМАНЕ Ф. ФЮМАНА «ПРОМЕТЕЙ. БИТВА ТИТАНОВ» (1974): СИНТЕЗ МИФИЧЕСКОГО И РЕАЛИСТИЧЕСКОГО

Семидесятые годы становятся периодом интенсивной деятельности для Ф. Фюмана: выходят в свет произведения, содержащие в себе результаты осмысления писателем собственного субъективного жизненного опыта и тенденций развития современного ему общества (, Двадцать два дня или половина жизни – 1973 г., , Прометей. Битва титанов – 1974 г., , Мифический элемент в литературе – 1974 г. и др.). Подъём творческой активности был обусловлен, прежде всего, определёнными внутренними изменениями, духовным , перерождением (нем. – *Wandlung*) Ф. Фюмана, произошедшим с ним в этот период. , Подготовленные эти изменения были в результате переоценки писателем собственных произведений 50-х – 60-х гг. и, в целом, его позиции относительно нового, прогрессивного общественного устройства современной ему Германии.

Вернувшись в конце 1949 года в ГДР из плена (в годы второй мировой войны Ф. Фюман служил в рядах вермахта), он по мере своих возможностей стремится , вписаться в во всеобщий порыв построения нового будущего. Отныне все его надежды и деятельность связываются только с социалистическим строительством в ГДР (он – активный член партии, член Союза писателей и Академии искусств ГДР). Учитывая социальное происхождение Ф. Фюмана и его воспитание в среде, принявшей идеи немецкого национализма, можно понять, как нелегко ему далось решение резко порвать с прошлым. Но, как оказалось, происходящее не вполне отвечало его запросам как мыслящего человека, творца и писателя. Ф. Фюмана смущали , отсутствие диалектики, одномерность видения современного мира и внутренних противоречий [2, с. 8]. Он был не согласен с общепринятым тогда в Германии упрощённым пониманием сути социалистического реализма как , жизненно-подобного, зеркального, оптимистического отражения действительности: , Я долго жил иллюзией, что вхождение в новое общество равносильно вступлению в царство абсолютной справедливости, человечности, демократии; это отношение к жизни, как к сказке, продолжало и дальше бытовать в моей прозе [Там же].

Период становления новой общественной системы в послевоенной Германии характеризовался поиском новых продуктивных форм творчества, но, в то же время, не могли остаться в забвении и традиционные модели. Именно они были в состоянии оказаться той необходимой базой, на основе которой могло быть построено новое общество, ведь в картинах прошлого отражается будущее. С конца 60-х гг. Ф. Фюман начинает поиск качественных новых художественных возможностей, которые могли бы позволить ему показать многомерность и противоречивость действительности. Изменения в художественном методе для писателя, столь чутко реагирующего на происходящее, привыкшего каждый свой шаг обосновывать с точки зрения

разума, не могли быть не сопряжены с серьёзными внутренними, духовными изменениями. Собственно, изменениям этим была подвержена не только личная судьба писателя. Духовная жизнь всей восточной Германии переживает в тот момент сложный переломный период. Кризисную ситуацию усугубляют и переживания Ф. Фюмана по поводу событий 1968 года на его бывшей родине – в Чехословакии.

Сложившиеся обстоятельства в обществе и личная драма писателя становятся решающими факторами разработки в творчестве Ф. Фюмана мотива потрясения и экстремальной ситуации, а многомерность и целостность восприятия ему даёт миф с его противоречиями и универсальностью мышления. Потрясение, перенесённое индивидом, даёт повод для осмысления процессов действительности, а с ним и возможность прозрения.

История предлагает бесчисленное множество решений проблемы функционирования и актуальности мифа на протяжении тысячелетий. В этой связи можно привести высказывание немецкого литератора, мифолога Кристофа Трильзе, подчёркивающее исторические параллели, связующие греческую античность и современность: «В мифах отражается исторический момент, когда индивид выходит из общины, на месте которой, обусловленное исторической необходимостью, формируется классовое общество...» [6, S. 50] (*здесь и далее перевод автора – С. О.*). Следуя данной логике, миф можно считать отражением столкновения эпох, в нём находит место проблематика, в равной мере соотносимая с проблематикой любой другой переломной эпохи. Это означает, что авторы, использующие в своём творчестве материал древних мифов, тем самым делают попытку вписать современность в непрерывный ход истории, во взаимосвязь веков. Ярким воплощением данной тематики в творчестве писателя служит роман «Прометей. Битва титанов», сочетающий в себе мифологические и реалистические черты. Конфликт духа и власти в той мере, в какой он присутствовал в судьбе Ф. Фюмана, находит своё закономерное отражение в романе, в частности, это выражается в тщательной проработке проблемы власти, периодов её зарождения, стабилизации и эволюции.

В художественной литературе можно встретить огромное количество обработок мифа о Прометее. Прометей принадлежит к наиболее выразительным по силе высказывания и одновременно спорным образам античной мифологии. Немецкий исследователь мифов Клаус Трэгер указывает на то, что самые значительные интерпретации этого образа появлялись во времена общественных потрясений, переворотов, и поэтому они оказываются не продуктом индивидуального сознания, а отражают историческую тенденцию общественной формации, для которой данный символ служит обязательным знаком социальной перспективы» [5, S. 185].

Обращение к мифу – в целом общепризнанное явление в литературе экс-ГДР 70-х гг. Произведения на основе мифологического материала были созданы Кристой Вольф, Хайнером Мюллером, Юрием Брезаном, Петером Хаксом и другими писателями. Известный учёный-филолог Л. Г. Андреев даёт следующий комментарий по этому поводу: «Фантастическое в сочетании с мифическим и историческим властно входит в литературу ГДР в 70-е годы, становясь своеобразным и оригинальным фоном реалистического повествования. Такая двух- и даже трёхмерность характерна для творчества <...> Ф. Фюмана (роман «Прометей. Битва титанов», 1974) <...> Мифологический и фантастический фон усиливает значимость и насыщенность произведений. Реалистическое восприятие мифа (как у Ф. Фюмана, П. Хакса), в котором отразился многовековой опыт человечества, обращает к размышлению над насущными вопросами бытия и ещё раз подчёркивает стремление художников к реалистическому изображению сложнейших общественных процессов современности» [1, с. 212].

Объединив различные сюжеты мифов вокруг общего смыслового центра, судьбы Прометей, Фюман перешагивает границы абсолютного вневременного существования в мифе. События обретают линейно текущий характер, устремляясь в открытое, неизвестное будущее и освещая последовательные этапы эволюции личности героя. Благодаря универсальности мифа и содержащихся в нём моделей, роман получает способность показать за явлениями жизни Прометей общие во все времена стороны жизни людей.

Наряду с диалектикой взаимоотношений субъективного мнения и объективного хода истории для романа Ф. Фюмана «Прометей. Битва титанов», написанного на основе античных мифов, характерен анализ исторического развития, а именно развития, которое базируется на генеалогии власти. Как ясно из вышесказанного, особой проработке этой проблемы способствовал общественно-исторический фон действительности Ф. Фюмана. Мир титанов представлен как внеисторический безжизненный мир; вечное и неизменное положение вещей закреплено клятвой Кроноса: «Я установил своё владычество до скончания веков, и то, что есть теперь, пребудет всегда! Звёзды вечно будут совершать свой круг, моря будут вечно гнать свои волны, тяготение будет вечно связывать землю воедино, а Кронос будет вечно властвовать над вами, над стихиями, надо всем, что было и есть, и что пребудет веками» [2, с. 183]. Титаны покоряются этому порядку вещей, не отличаясь ни активностью, ни силой мышления. Типичен в этом смысле образ Эпиметей в его самодовольстве. Кронос властвует бесчувственно и самовольно: он изгоняет свою мать Гею, останавливает солнечную колесницу Гелиоса, в качестве наказания обещает заковать любого непокорного навечно в полярный лёд. Однако царство Кроноса с его притязаниями на незыблемый порядок и неизменность является неполноценным, пустынным, такой порядок противоречит диалектике истории. С иронией заставляя Ф. Фюман своего Кроноса клясться словами Б. Брехта в его «Хвале диалектике»: «То, что есть теперь, пребудет всегда!» [3, S. 77].

Для того чтобы подчеркнуть окаменелость царства Кроноса и тем самым прогрессивность более позднего развития событий, Ф. Фюман сознательно начинает своё повествование с характеристики мира титанов. Этот мир обрисован автором как данность, при этом не упоминается о предыстории, которая по отношению к господству Кроноса в общем-то также является прогрессивной. В то время как в античной интерпретации, как, например, у Гесиода в его «Теогонии», титаны выступают активными участниками живого исторического процесса, охватывающего период от пустынных доисторических времён до упорядоченного справедливостью Зевса настоящего, а Кронос закономерно получает верховное господство, так как сверг Урана, поведя против него своих сестёр и братьев, Ф. Фюман оставляет Урана в стороне. Он обосновывает абсолютную

власть Кроноса не генетически, а психологически: Кронос, например, запрещает мешающий ему детский смех, создаёт безмолвный холодный мир и делает себя единоличным правителем, чтобы всё оставалось так, как есть. Однако здесь уже имеются и предпосылки к формированию мнений, отличных от мнения Кроноса, что способствует развитию: колебания Реи, жены Кроноса, между повиновением мужу и любовью к детям; поведение самих детей, когда они подыгрывают матери в её обмане. И, наконец, нужно упомянуть по-рыцарски благородный поступок самого Кроноса, жертвующего собой в битве со Сторуками великанами во имя спасения остальных титанов и богов. Но в целом речь всё-таки идёт о , мёртвом мире!

Боги же во главе с Зевсом с самого начала олицетворяют собой важный исторический принцип: смену вечного покоя активностью. В этом смысле удачна идея Ф. Фюмана, заключающаяся в том, что боги, проглоченные Кроносом, в меру своих сил и возможностей стараются повлиять на происходящее. Они помогают Рее осуществить её хитрость, а камень, который она дала своему супругу вместо сына, называют Зевсом; они предупреждают своего брата, когда Кронос в образе медведя ищет его. Зевс стремится освободить своих сестёр и братьев и создать новое, лучшее царство. Он начинает преобразования, ведущие от откровенного произвола к умеренному проявлению свободы и справедливости. Зевс наказывает Атласа, но не хочет, чтобы тот страдал; он помиловал Кроноса; он устраняет всеобщее беспрекословное подчинение и пытается, опираясь на свою власть, установить определённый порядок: . Я мечтаю о порядке, и я его создам. Ибо для этого я достаточно могуществен! [2, с. 280]. В то время как Кронос олицетворяет абсолютную единоличную власть, Зевс представляет форму правления, . в которой заложена власть коллектива как реальная возможность и необходимость [4, S. 36]. Фактически, Зевс правит не в соответствии с демократическими принципами, а под прикрытием демократии. Его победа символизирует противоречивость прогресса в классовом обществе, перерождение свободы в деспотизм. До битвы титанов Прометей и Зевс равны, , ясновидящий и оборотень [2, с. 203] олицетворяют собой союз духа и власти, но уже перед победой богов положение меняется. Дух и власть начинают расходиться, так как Зевс уже отличает себя как , сына правителя, от Прометея – , сына обыкновенного титана [Там же, с. 202]. Зевс злоупотребляет своим даром принимать иной облик, пугает зверей критского леса; он готов даже пожертвовать своей благодетельницей – Амалфеей.

События, происходящие после победы богов, представляют собой блестяще описанную Ф. Фюманом генеалогию власти. Сначала автор обращает внимание читателя на внезапно возросшую самооценку Зевса, когда тот приписывает себе главную заслугу в победе над титанами, отдаёт Прометею приказы и стыдится своего низкого воспитания среди зверей. Затем в нескольких главах, подробно описывающих зарождение новой формы правления, рассказывается о различных способах стабилизации власти Зевса. Глава , Боги основывают новое царство выполняет ключевую функцию для идеологических мер этого процесса; глава . Первые деяния Зевса – для политических; глава . Перемены в царстве богов – для административно-бюрократических мер стабилизации власти.

Разделение власти – крайнее проявление демагогии. Зевс умело использует невнимательность других богов и предоставляет им властные полномочия в удалённых или подчинённых сферах, себе же оставляет . самую малость» – верховное господство, принятое им по настоянию остальных как , тяжкое бремя» [Там же, с. 218]. Таким образом, Зевс оттесняет от власти Прометея, вслух называя его своим первым помощником, который должен был бы заниматься самыми важными делами, в действительности же ему доверяют менее значительные поручения. Мастерски владеет Зевс инструментарием политической лжи – , всё, что он сказал, вроде бы истинная правда, и, хотя это не совсем правда, эти слова вводят противника в заблуждение [Там же, с. 220]. И, хотя, со слов Зевса, он принимает эту должность против своей воли, – , если вы настаиваете, мне придётся подчиниться [Там же, с. 218], – он сразу же заявляет: . Царство богов основано, и отныне ваш повелитель я, Зевс! [Там же, с. 219]. Он повелевает, чтобы боги опустились перед ним на колени, как некогда титаны перед Кроносом, а Геру делает своей супругой. Ей, правда, достаются лишь почести, властью делиться Зевс с ней не намерен.

За вербальным цинизмом следуют политические меры. Зевс привлекает на свою сторону Кратоса и Бию, сыновей побеждённого титана Атласа, двух безоговорочно преданных ему телохранителей, с помощью которых он парализует активность остальных богов. Посредством применения бюрократических уловок Зевс наконец становится безоговорочным властителем: советы богов всё чаще сводятся к пустой болтовне, приятному совместному времяпровождению; Прометея Зевс сознательно посылает в самые отдалённые части Вселенной, а его долгое отсутствие даёт повод обосновать появление на службе у Зевса Кратоса и Бии.

Тем самым власть Зевса фактически закреплена, но некоторые боги ставят её под сомнение. Прежде всего, это Гера. Она не хочет быть обманутой Зевсом, как Прометей, она возмущена появлением Афродиты. А после того, как Зевс сбросил с Олимпа её сына Гефеста, Гера задумала совершить дворцовый переворот. Однако заговорщики во главе с Герой и Посейдоном вовсе не являются носителями какого-либо нового нравственного принципа, они используют те же самые средства, что и Зевс (правда, менее успешно): распространяют ложные утверждения о Зевсе и раздувают страх перед титанами, чтобы свергнуть правителя. При этом они не доверяют друг другу и в борьбе за первенство пытаются выставить себя в лучшем свете.

В конце концов, Зевсу удаётся ещё один политический трюк: лестью и подкупом он привлекает на свою сторону Гефеста, которого однажды выбросил с Олимпа. Теперь, в благодарность за возвращение и обещание получить в жёны Афродиту, Гефест без всяких сомнений присоединяется к Зевсу. Гефест выковывает Зевсу жезл, извергающий молнии, что выступает дополнительной гарантией абсолютной власти Зевса. Между тем Зевс наказывает Кратоса и Бию, приходит время поквитаться и с заговорщиками. Зевс уверен, что остальные божества считают ужасное наказание Геры справедливым. Как , царь-Зевс он наслаждается счастьем в своей безграничной власти: . Быть всемогущим – вот это счастье! [Там же, с. 269].

В главах, начинающихся победой Зевса в битве титанов до момента обретения им абсолютной власти, Ф. Фюман выходит далеко за пределы оригинала, хотя и использует постоянно различные сюжеты античных мифов. У Гесиода победа Зевса – это победа справедливого порядка над произволом, а разделение власти происходит без каких-либо проблем (боги выбирают Зевса царём по совету Геи, он же мудро раздаёт полномочия остальным). Кратос и Бия – в интерпретации современных писателей лишённые индивидуальности и опасные ввиду того, что выполняют функции властно-политических ключевых структур, – представлены здесь как не имеющие ценности. Гораздо сильнее точки соприкосновения с Эсхилом, но у него произвол Зевса направлен против людей, а не против остальных богов; история прихода Зевса к власти не анализируется; Кратос же – просто бесчувственный помощник, исполнитель воли своего господина, а не жалкий презренный подданный.

Удачным композиционным приёмом является соединение политической интриги Геры с временным ослаблением Зевса из-за рождения Афины и с подкупом Гефеста. Отдельные моменты встречаются в различных античных мифах, но нигде они не связаны воедино. Таким образом, внутренняя законченность, целостность произведения – это, несомненно, заслуга Ф. Фюмана.

О рождении Афины сообщают Еврипид и Аполлодор, а также о её связи с Гефестом или Прометеем, но это происходит независимо от дворцовой революции Геры. По Гомеру Гера, Посейдон и Афина угрожают связать Зевса, для защиты которого Тетис приводит Сторукуго Бриарея. Потом сообщается о наказании Геры. Ф. Фюман же связывает головную боль с произволом Зевса и, соответственно, попытку восстания Геры с рождением Афины, а осудить свою супругу Зевс может теперь благодаря молниям Гефеста (которые он по Гесиоду получил от циклопов для их освобождения во время битвы титанов). Это, с другой стороны, требует, чтобы Ф. Фюман превратил Гефеста из сторонника Геры в сторонника Зевса. Сначала автор заставляет Зевса вышвырнуть Гефеста с Олимпа, а затем путём подкупа делает его своим помощником. У Гомера Гера сама выбрасывает Гефеста с Олимпа и потом мирится с ним, а когда позже Гефест осуждает Зевса за то, что тот заковал Геру, его снова сбрасывают на землю.

Ф. Фюман неоднократно изображает злоупотребления Зевсом вновь обретенной властью: верховный бог нарушает течение вод источников Олимпа, охраняемых Метидой, совершает насилие над Метидой и проглатывает её, так как не хочет, чтобы Метидка рассказала об этом Гее. Таким образом, Зевс показывает себя в большей степени самовольным и несдержанным, чем у Гесиода, где он проглатывает Метиду только потому, что Гея предсказала ему быть смещённым с трона сыном Метиды. Без особого смысла и пользы, лишь для того, чтобы продемонстрировать свою власть, Зевс сжигает африканский лес, губит зверей, бывших некогда его друзьями. И разрешает потушить огонь он только после того, как поквитался со своими противниками, а они присягнули ему на верность.

Такой поступок не имеет примеров в античных мифах; автор выдумал его, чтобы как можно чётче показать путь превращения Зевса из поборника справедливости в тирана. Это означает, что Зевс, с одной стороны, хуже Кроноса, ведь тот творил, не ведая, Зевс же совершает зло осознанно: «Зевс, – упрекает его Прометей, – ты хуже Кроноса, ибо тебе известно, что быть тираном дурно. Ты убил надежду, Зевс. С твоим воцарением стало только хуже. Где наши мечты?» [Там же, с. 279]. С другой стороны, при всех его недостатках и, помня о том, что Зевс не стремился к этому сознательно, он создал порядок, как минимум, содержащий в себе демократические потенции. Этот порядок позволил разрешить без особых проблем разногласия с титанами и благотворно повлиял на качественную дифференциацию богов, благодаря чему они могли достичь определённой самореализации.

Любые прямые исторические аналогии в данном случае следует проводить с осторожностью, поскольку плоскость поэтической абстракции романа нацелена на характеристику политической власти, охватывающей века. Господство Кроноса напоминает феодально-абсолютистские властные структуры, а его падение – выдумка Ф. Фюмана – позволяет обозначить добродетели, характерные, возможно, для правителей времён рыцарства. Возвышение богов до определённой степени отражает развитие буржуазии от героических иллюзий раннего дореволюционного и революционного времени до реальной деформации послереволюционной практики. Но, несмотря на всё это, уже само развитие вело к повышению активности и рациональности по сравнению с предшествующим порядком.

Таким образом, разработка данного мифа представляет собой попытку осмысления процессов действительности и предполагает, прежде всего, решение проблемы прогресса и будущего общественного развития в целом. В рамках данной статьи это означает, что автор, предлагающий новую интерпретацию рассматриваемому мифу, таким способом стремится выразить своё отношение к происходящим вокруг него переменам в обществе. Такое положение вещей обнаруживает известную остроту и актуальность мифа о Прометее и укрепляет нас во мнении, что подобные обработки имеют огромное значение для процесса самопознания общества. Предмет этих произведений выходит далеко за рамки литературы и искусства в целом.

Список литературы

1. **История зарубежной литературы (1945-1980)** / под ред. Л. Г. Андреева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 563 с.
2. **Фюман Ф.** Избранное: сборник / пер. с нем.; сост. и предисл. А. А. Гугнина. М.: Радуга, 1989. 499 с.
3. **Brecht B.** Lob der Dialektik // Brecht B. Gedichte. Berlin: Aufbau Verlag, 1961. Bd. 3.
4. **Koch H., Fühmann F.** Ein Briefwechsel // Beiträge zur Kinder- und Jugendliteratur. 1974. № 30. S. 31-39.
5. **Träger C.** Studien zur Literaturtheorie und vergleichenden Literaturgeschichte. Leipzig: Reclam, 1970. 445 S.
6. **Trilse C.** Antike und Theater heute. Betrachtungen über Mythologie und Realismus, Tradition und Gegenwart, Funktion und Methode, Stücke und Inszenierungen. 2. Edition, bearb. und erw. Aufl. Berlin: Akademie-Verlag, 1979. 347 S.

PROBLEM OF POWER IN THE NOVEL BY F. FUHMANN "PROMETHEUS:
DIE TITANENSCHLACHT" (1974): SYNTHESIS OF MYTHIC AND REALISTIC

Ovcharova Svetlana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
G. I. Nosov Magnitogorsk State Technical University
alexis-1@yandex.ru

The article examines the problem of origin, functioning and evolution of political power by the example of the novel of the little known in the national literary criticism German author F. Fuhmann "Prometheus: Die Titanenschlacht". The researcher aims to reveal the originality of combining mythological and realistic elements in the novel and concludes that myth is capable of realistic representation of the most complicated social processes of modernity. During the analysis the researcher touches on the typical for the political power phenomena, such as: separation of powers, despotism, intrigue, bureaucracy et al.

Key words and phrases: multidimensionality of reality; realism; motive of shock; power; titans; gods; ancient myths; tyrant; abuse of power.

УДК 81'373

Филологические науки

В статье исследуются синлексические сочетания глаголов «быть» и «иметь» в английском, французском и итальянском языках в сравнительном аспекте. В результате анализа обнаруживается использование глаголов с разной степенью акциональности в английских, французских и итальянских эквивалентах, что отражает особенности языковой картины мира данных народов.

Ключевые слова и фразы: синлексы; языковая картина мира; английский; французский; итальянский языки; глагольные сочетания; акциональность.

Панамарёва Анна Николаевна, к. филол. н.

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет
mir-annie@yandex.ru*

**СИНЛЕКСИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ ГЛАГОЛОВ «БЫТЬ» И «ИМЕТЬ»
В АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ[©]**

Устойчивые, безобразные сочетания составляют большой пласт лексики русского и западноевропейских (английский, французский, итальянский) языков и, соответственно, отражают структурную специфику и особенности национальной картины мира данных языков. В современной лингвистике такие словосочетания называются «синлексы»: от др.-греч. *syn* – «вместе с» и *lexis* – «слово». Этот термин принадлежит профессору Томского государственного университета Г. И. Климовской, чьи работы составляют теоретическую основу нашего исследования: «Под синлексами в рамках синлексикологической теории понимаются устойчивые (по составу и порядку следования составных элементов – лекс) словосочетания (а точнее – лексосочетания), выполняющие ничем не осложненную номинативную функцию, принципиально безобразные (или обладающие невостремленной, стертой образностью), не имеющие аналогичных по лексическому значению единиц в собственно словенной части номинативного состава и отличающиеся от «собственно слов» только морфологической составностью и грамматической раздельнооформленностью и графической раздельностью элементов (лекс)» [1, с. 44].

В своих работах, в частности, в статье «Дело о синлексах (к вопросу о функциональном подходе к номинативному материалу языка)» Г. И. Климовская обосновывает значимость в составе языка и необходимость исследования таких номинативных групп, без учета которых «не только номинативный состав языка, но и её величество языковая картина мира не могут считаться полными – и по количественному составу, и по многим структурным, семантическим и собственно когнитивным признакам» [Там же, с. 46].

Изучение синлексики представляет интерес для современных исследователей [1-7] и является актуальным в лингвокультурологических работах, посвящённых концептам и языковой картине мира.

Целью данного исследования – обнаружить концептуальные особенности английской, французской и итальянской языковой картины мира, отражённые в синлексике этих языков. Основным методом нашего исследования является **сравнительный анализ** отдельных групп синлексов. В работах, посвящённых этим единицами и содержащих такое их название, синлексы рассматриваются в основном на материале русского языка. Сравнительный анализ синлексики английского и французского языков позволяет увидеть особенности менталитета и видения действительности, отражённых в этих языках. Выбор языков обусловлен их принадлежностью к разным группам: германской и романской, что в перспективе расширяет масштабы исследования в синхроническом и диахронном аспектах.

Г. И. Климовская выделяет следующие группы синлексов согласно составляющим их компонентам и номинативной функции: **субстантив-атрибутивы** и **субстантив-субстантивы** (в отличие от имен существительных), **адъективы** (в отличие от имен прилагательных), **вербалы** (в отличие от глаголов), **адвербиалы**